

## «А ЗДЕСЬ Я НИКОМУ НЕ НУЖЕН»: ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ НИКОЛАЯ ЗАРЕЦКОГО В ПРАГЕ<sup>1</sup>

Ф. Б. Поляков

(Вена)

Пражский период деятельности художника, книжного графика, историка литературы и коллекционера Николая Васильевича Зарецкого (1876–1959) продолжался с 1931 по 1950 год<sup>2</sup>. Драматические события этих десятилетий разделили его биографию на три отрезка. В начале 1930-х, оказавшись после беспокойного Константинополя и неустойчивого Берлина в столице Чехословацкой республики, Зарецкий за несколько лет смог добиться значительных успехов, хотя, вероятно, и не в таких размерах, как представлял себе эти «несомненные барыши» его берлинский друг Роман Гуль (см.: Поляков 2000: 255). Вслед за годами творческого расцвета наступило трудное время выживания в «Протекторате Богемии и Моравии»; сведения о тогдашнем положении Зарецкого до сих пор фрагментарны. Но в отличие от многих других русских обитателей Праги Зарецкому по окончании войны удалось не только избежать политических репрессий, но даже выехать из социалистического лагеря в Париж. В нашей статье мы попытаемся дополнить биографию Зарецкого в эти последние годы его пребывания в Чехословакии.

Первым значительным результатом деятельности Зарецкого в Праге оказалась экспозиция «Пушкин и его время» (1932 г.). Ее реализация в выставочных залах, имеющих общенациональное значение, как и поддержка целого ряда чехословацких организаций

---

<sup>1</sup> Искренне благодарим Сергея Гагена (Praha), Anne Hultsch (Wien/Praha) и Юлию Янчаркову (Praha) за существенную и постоянную помощь в нашей работе.

<sup>2</sup> Общие сведения о биографии Н. В. Зарецкого см.: Лейкинд, Махров, Северюхин 2019, 1: 540–542; Ю. Янчаркова s. v. (<https://artrz.ru/search/Зарецкий/1804783772.html>); Представители эмиграции 2021: 185–186; см. также: Поляков 2018: 236–265.

была бы невозможна для недавно прибывшего из Берлина художника-собирателя. Подчеркнем, что успех Зарецкого определялся итогами сотрудничества графини С. В. Паниной с чехословацкими академическими и политическими кругами, при еще незначительном тогда воздействии советской культурной политики (см.: Поляков 2020: 254–275). Организаторы пушкинской выставки 1932 г. не подвергались давлению той атмосферы юбилейных мероприятий с их идеологическим противоборством, которого уже не удалось избежать в Праге позднее, на торжествах 1937 г. (см. о них: Копршилова 2000: 249–259). Вслед за пушкинской экспозицией Зарецкий представил художественную ретроспективу «Рисунки русских писателей» – на столь значимую для него тему соотношения текста и образа, «письма» в обоих смыслах<sup>3</sup>. Зарецкий также участвовал в театральных проектах и коллективных выставках; приведем некоторые сведения, дающие представление о его активности до середины 1930-х годов (Белошевская 2001, с указанием страниц хроники в квадратных скобках):

### 1932

Пушкинская выставка (вернисаж 28 февраля) [111], лекция о портретах Пушкина (20 марта) [116]

### 1933

Сценография по Тургеневу (8 июня) [207], выставка «Рисунки русских писателей», с разделами, посвященными Тургеневу и Ремизову (вернисаж 2 декабря) [229], оформление декораций для Русской драматической группы (5 и 21 декабря) [231]

### 1934

Декорации к «Пульчинелле» (28 апреля) [257]

---

<sup>3</sup> Название «Рисунки русских писателей» также встречается и в одном из альбомов А. М. Ремизова, ближайшим образом участвовавшего в реализации плана Зарецкого; ср. Грачева 2000: 230–231.

## 1935

Эскизы для оперного вечера (10 января) [285], декорации к «Лебединому озеру» (19 декабря) [347]<sup>4</sup>

В том же 1935 г. Зарецкий принимал участие в выставке русского искусства во дворце Клам-Галласов (см.: Jančarková 2008: 215–235) и в создании Русского культурно-исторического музея в Збраславе<sup>5</sup>. Сохранение фондов музея позднее, во время «Протектората», потребовало от Зарецкого больших личных усилий<sup>6</sup>. Однако уже во второй половине 1930-х годов наметилось, по-видимому, и какое-то изменение положения Зарецкого, отразившееся в протоколе общего собрания Союза русских писателей и журналистов в Чехословацкой Республике от 1 июня 1935 г.: «...выбыл по собственному желанию Н. В. Зарецкий...» (Sládek, Běloševská 1998: 100).

В переписке Эллиса (Льва Кобылинского) с Зарецким неоднократно упоминалось и о намерении последнего устроить в Праге какую-то «выставку гравюр». В начале 1936 г. Зарецкий обращался к Эллису с просьбой навести для него справки в Женеве, которые

---

<sup>4</sup> Об упоминаемых здесь сценических работах Зарецкого см. подробнее: Букреева 2019: 140–147.

<sup>5</sup> См. письмо В. Ф. Булгакова к А. Л. Бему от 10 декабря 1933 г. с предложением о приглашении Зарецкого в инициативную группу по созданию музея: Kuthanová, Chlaňová, Ščeblyginová, Hauser 2017: 181, № 32. См. также: Булгаков 1999: 151–152; постановлением Совета Русского свободного университета от 27 февраля 1934 г. Зарецкий был включен в Музейную комиссию (Ibid.: 153) и переизбран в 1936–1937 гг. (Ibid.: 166).

<sup>6</sup> См.: Муромцева 2010: 182–194; Букреева 2015: 36–43; Букреева 2016: 503–521; ср. также: Козырева 2008: 176–189; Hauser 2020: 195–236, особенно с. 226–232. Этот эпизод в истории культурных инициатив эмиграции, несмотря на большой приток информации, еще далеко не полностью прояснен. Достаточно красноречиво о конфликтах свидетельствует резолюция на отчете Зарецкого от 15 сентября 1945 г. (первая страница машинописи воспроизведена в статье: Hauser 2019: 107), предназначавшегося для Музейной комиссии Русского культурно-исторического музея: «Лживые самооправдания трусливого человека». Отметим и словоупотребление самого Зарецкого в этом письме (речь идет о невозможности частых поездок из Праги в Збраслав): «<...> в последний раз 24 апреля, перед революционными событиями <...> В период революционных событий <...>» (курсив наш. – Ф. П.). Такое обтекаемое обозначение Пражского восстания и освобождения Праги от гитлеровской оккупации позволяет увидеть политическую осторожность Зарецкого.

могли иметь отношение как раз к его выставочным планам. По контексту ответа Эллиса понятно, что это обращение Зарецкого было вызвано его отчаянным материальным положением и напряженной обстановкой в пражских кругах эмиграции:

Дорогой друг!

Спасибо за вести о Вас!

Чувствую, что пресловутая русская «кружковщина» цветет и в эмиграции. Очень печально, однако мало удивительно!

Я тоже совершенно одинок и занят работой в уединении. Однако несколько ценных и верных друзей у нас осталось. Этого довольно!

Однако мы должны тем более подать друг другу руки из нашего одиночества.

Я охотно исполню Ваши небольшие поручения. За успех, конечно, не могу поручиться.

Жалко, что Вы и Николай Онуфр<иевич> столь обезденежели! Впрочем, сейчас возможна общая полная катастрофа! Все можем погибнуть. *Работать необходимо все же!*..

К сожалению, я никого не знаю в Женеве. Обращусь в Пуб<личную> Библиотеку конечно. Но что будет? Не знаю. Желая успеха Вашей идее о выставке! <...><sup>7</sup>

Писем Зарецкого к Эллису не сохранилось, однако исходя из распросов Эллиса, продолжавшихся вплоть до середины 1938 г., можно полагать, что план выставки гравюр реализован не был<sup>8</sup>. Поскольку

---

<sup>7</sup> New York. Columbia University Libraries. Rare Book & Manuscript Library. Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (далее – BAR). Nikolai Vasil'evich Zaretskii Papers. Box 1 (здесь и далее в квадратных скобках даются ссылки на номера писем в подготовленном нами издании этой переписки), письмо [№ 20] от 10 февраля 1936 г., курсив Эллиса. Здесь же упомянут философ Н. О. Лосский; о его материальном положении Зарецкий писал ранее, как свидетельствует фраза Эллиса в предыдущем письме ([№ 19], 20 января 1936): «Я очень прошу Вас передать мою благодарность и сочувствие во всем уважаемому Николаю Ануфриевичу <sic!>, известие о материальных трудностях которого меня очень взволновало».

<sup>8</sup> [№ 21, 1 января 1937]: «Давно ничего не знаю о Вас. Как живёте, работаете? Как Ваша выставка?»; [№ 23, 4 мая 1937]: «Как живёте, работаете и что выставка гравюр?»; [№ 24, 6 сентября 1937]: «Уже давно ничего о Вас не знаю. Что Ваше выставка гравюр?»

материальное положение Зарецкого, не имевшего постоянного источника доходов, напрямую зависело от успеха подобных мероприятий, то ослабление его организационных возможностей впоследствии проявилось самым отрицательным образом<sup>9</sup>.

В юбилейный 1937 г., когда общественный интерес создавал условия для разнообразных эмигрантских публикаций и проектов, захвативших и Прагу, вклад Зарецкого-пушкиниста представляется все-таки несоизмеримо скромным при сопоставлении с выставкой 1932 г. или его другими работами на пушкинские темы. Возможно, в таком изменении масштаба его участия и присутствия отразилась наметившаяся изоляция или какая-то перемена статуса Зарецкого в кругах пражской эмиграции, о которых, вероятно, и шла речь в приведенном выше ответном письме Эллиса. Тем не менее Зарецкий был приглашен к участию в работе пражского Пушкинского комитета, первое заседание которого состоялось 26 февраля 1936 г. (Копршилова 2000: 254). В состав комитета также входили Е. А. Ляцкий, графиня С. В. Панина, А. Л. Бем и В. А. Францев, некогда связанные с организацией пушкинской выставки 1932 г. Однако к этому юбилею Зарецкий смог выпустить только набор открыток с воспроизведением двенадцати рисунков Пушкина и вводным очерком „Puškin-kreslíř“ (название в оригинале – «Пушкин-рисовальщик»)<sup>10</sup>. Издание открыток было осуществлено Зарубежным союзом русских военных инвалидов<sup>11</sup>. Оно вышло в свет весной

---

Как живёте и что делаете?»; [№ 25, 1 июля 1938]: «Как пошло дело с планом выставки гравюр?».

<sup>9</sup> Отметим, что в коллективных выставках Зарецкий в следующее десятилетие принимал участие лишь однажды – в составе Первой выставки «Профессионального союза русских художников в Протекторате Богемия и Моравия» в Праге 15 октября – 1 ноября 1943 г. (см.: Лейкинд, Махров, Северюхин 2019, 2: 764).

<sup>10</sup> См.: Zareckij 1937; очерк (с. 1–5) переведен на чешский Žofie Poňorecká, неоднократно сотрудничавшей с Зарецким (см.: Поляков 2018: 238), и посвящен внуку поэта Н. А. Пушкину (с ним Зарецкий поддерживал отношения еще с Константинополя, ср. Чистова 2000: 302; Букреева 2014: 296). См. далее: Чистова 1996: 252; Чистова 2000: 299. Русский оригинал очерка впервые опубликован уже в парижский период (см.: Зарецкий 1951: 145–150) и переиздан с комментариями: Зарецкий 2000: 305–311.

<sup>11</sup> Об этом объединении см.: Микуленок 2020: 170–179. В его состав в Чехословакии на 1 марта 1938 г. входило 192 человека (см.: Зарубежный союз [1938]: 7).

1937 г.; ср., например, упоминание Эллиса в начале мая того же года: «Многоуважаемый и дорогой друг Николай Васильевич! Искренний привет и спасибо за присылку пушкинских рисунков, весьма удачных»<sup>12</sup>.

Как указывается уже в самом названии пражской публикации, очерк Зарецкого о Пушкине-графике заимствован из его книги «Рисунки русских писателей» (полностью не опубликована, о ее судьбе см. ниже). Сравнение чешского варианта (перевод Софии Погорецкой для пражского издания 1937 г.) с русским (по версии 1951 г., возможно, адаптированной по сравнению с оригиналом начала 1930-х годов) позволяет установить, что хотя чешский перевод подвергся сокращению, которое коснулось цитат, отдельных фраз и абзацев, однако в целом отражает оригинал Зарецкого. Напротив, фрагмент о Пушкине-графике в книге, изданной Д. И. Чижевским под именем Зарецкого (Zaretsky 1960: 23–24), воспроизводит лишь несколько предложений из первоначального авторского текста, давая представление не столько об источнике, сколько о радикализме редакторского вмешательства. Подборка пушкинской графики в издании Zarečskij 1937 также отсылает нас к выставке 1933 года: все двенадцать рисунков, попавшие на открытки в 1937 г., были ранее включены в ее каталог (BAR, Coll. Zaretskii, Box 11). Таким образом, художник решил не предпринимать какого-то нового синтеза на основании накопленного им материала.

Как мы уже упоминали, в военные годы Зарецкому приходилось заниматься организационной работой в Збраславском музее. Оказавшийся в Праге в 1944 г. художник Е. Е. Климов пишет в своих воспоминаниях (Климов 2005: 308):

В последнее время он был директором русского музея в Збраслове <sic!>. С трудом пришлось ему преодолеть косность прежних распорядителей и провести в некоторых залах новую развеску

---

<sup>12</sup> Письмо [№ 23], 4 мая 1937. Другие положительные отзывы об этом издании (среди них и отклик пушкиниста М. Л. Гофмана) упомянуты в статье: Чистова 1996: 252; Чистова 2000: 299.

картин. Но его энергии хватило только на несколько залов, остальные продолжали быть неким свалочным местом, а не художественным музеем. Николай Васильевич видел и сознавал это безобразие, но сделать ничего не мог, ибо Совет музея был против него. Одна из комнат музея была отведена работам самого Н. В.

По письмам переводчика и историка литературы Артура Лютера (BAR, Coll. Zaretskii, Box 4) выясняется, что для пополнения фондов музея Зарецкий стремился собрать и связанную с Пушкиным литературу. Вышедшие по-немецки книги принимали на себя в тот момент в условиях «Протектората», как можно предположить, и защитную функцию по отношению к русской культуре. В письме из Лейпцига от 6 октября 1941 г. Лютер обещает прислать для «Пушкинского зала» некоторые свои переводы и исследования и упоминает о значимости переводов Генри фон Гейзелера и своей дружбе с его сыном Бернтом фон Гейзелером, от которого он также желал получить для Зарецкого экземпляр издания этих переводов<sup>13</sup>.

В том же году Зарецкому удалось выпустить брошюру с материалами, посвященными столетию со дня гибели М. Ю. Лермонтова; она завершается миниатюрным очерком «М. Ю. Лермонтов-рисовальщик», основанным на цитатах из мемуарных источников<sup>14</sup>. Публикация появилась с уведомлением: «Издано в качестве особого приложения к № 1–6 журнала “Русский Врач”, орган Проф. Союза Русских Врачей в Протекторате Чехия и Моравия». В том же письме к Зарецкому от 6 октября 1941 г. Лютер писал:

Сердечно благодарю Вас за Ваше любезное письмо и прекрасные Пушкинские открытки, служащие, как и книга о Лермонтове, доказательством, как и при небольших средствах можно достойно

---

<sup>13</sup> В частности, речь идет о посылке издания: Puschkin [1941]. Об отношениях А. Лютера с Генри фон Гейзелером см. также: Poljakov, Sippl 1999: 91–98. Сведения о работе Зарецкого над пушкинской экспозицией в Збраславле см.: Булгаков 1999: 194; Чистова 1996: 252–253; Чистова 2000: 299–300; Букреева 2015: 36–43; Букреева 2016: 503–521.

<sup>14</sup> Зарецкий 1941: 73–74. О занятиях Зарецкого лермонтовской темой см.: Букреева 2013: 103–114; Букреева 2022: 57–64.

почтить память поэта – и тем самым делать ценную культурную работу<sup>15</sup>.

Как и в случае с пушкинскими открытками издания 1937 г., заметка Зарецкого о Лермонтове также восходит к его книге «Рисунки русских писателей». Сравнение русскоязычной версии очерка (1941 г.) с пассажем о Лермонтове в немецком издании под редакцией Д. И. Чижевского (Zaretzky 1960: 38–44), показывает, что речь идет об изначально одном и том же тексте, ср., например (отмечаем здесь курсивом опущенную редактором фразу):

М. Ю. Лермонтов начал рисовать рано, в детстве. Его бабушка, не щадившая средств на воспитание внука, собрала в Тарханах несколько сверстников будущего поэта, *так что одно время их было человек десять.*

Michail Jurjevič Lermontov begann bereits früh in der Kindheit zu zeichnen. Seine Großmutter, die keine Ausgaben für die Erziehung ihres Enkels scheute, versammelte auf ihrem Gut Tarchany einige Altersgenossen des künftigen Dichters.

---

<sup>15</sup> VAR, loc. cit. Почти так же Лютер заканчивает и свою рецензию на эту публикацию: «В общем и целом, эта книга – прекрасный пример тому, как и со скромными средствами, при любви к делу и знанию, можно достойно почтить память великого поэта и обрадовать его почитателей, т. е. всех, кому дорого русское слово» (Лютер 1941: 6). Об этом берлинском издании см.: Равдин 2016: 303–316; историко-биографический контекст описан в статье: Кратц 2016: 190–206. В экземпляре лермонтовской публикации Зарецкого, находящемся в пражской библиотеке А. Л. Бема, имеются машинописные копии письма Лютера к издателю журнала «Русский врач» И. Т. Камышанскому (с отзывом об издании Зарецкого) и цит. рецензии; их текст воспроизведен в кн.: Магидова, Ильина 2021: 399–400, № 347. В указанном номере «Новой жизни», в том же 1941 г. прекратившей свое существование, помещена заметка журналиста Сергея Савинова (до войны – участника пражских литературных кружков) «К столетию со дня смерти М. Ю. Лермонтова». В Праге к юбилею появилась книга педагога В. В. Перемилевского, также связанного с А. М. Ремизовым (см.: Перемилевский 1941) и издание (при участии А. Л. Бема) «Песни про царя Ивана Васильевича» и «Демона» (см.: Магидова, Ильина 2021: 396, № 340). Другие материалы об этом юбилее в эмиграции см. в работах: Пономарева 2007: 420–433; Пономарева, Шор 2009: 49–65; некоторые публикации перепечатаны в сборниках: Филин 1999; Маркович, Потапова 2002: 825–967.



Насколько известно, лермонтовская мемуарная подборка – последняя историко-литературная публикация, осуществленная Зарецким в пражский период.

\*

Обстоятельства жизни Зарецкого в Чехословакии могут быть уточнены на основе специфического источника – материалов его личного дела в актах Пражского полицейского управления<sup>16</sup>. Привлекая к показанию этих свидетельств сохранившуюся переписку Зарецкого, можно утверждать, что работа Зарецкого начиная с последних лет Чехословацкой республики, еще до наступления всеобщей катастрофы, проходила в неблагоприятных условиях, которые обернулись для него нищетой.

Первым документом личного дела оказывается удостоверение личности (Personalausweis Nr. NS 153), выданное Берлинским полицейским управлением 26 июля 1929 г. со сроком действия до 25 июля 1930 г. на имя *Nicolas Saretzky* (род. 9/22 мая 1876 г. в Липецке), проживавшего по адресу: *Leibnizstraße, 35* в Шарлоттенбурге<sup>17</sup>. Документ присовокуплен к прошению Зарецкого о легализации в Чехословакии, поданному в Праге 29 октября 1931 г. В этой анкете Зарецкий сообщает, что выехав из Константинополя, он прибыл в Чехословакию в феврале 1922 г. и оставался в стране почти четыре месяца, затем около девяти лет находился в Берлине, в июне 1931 г. вернулся (sic!) в *Kouřim* (в другом документе уточнена дата отъезда из Германии – 6 июня), в настоящее время пребывает в Праге<sup>18</sup>. Также говорится о том, что у него имеется «малоимущий»

---

<sup>16</sup> Документы из архива полицейского управления (Praha. Národní archiv. PŘ 1941–1951. Z 470/5) были предоставлены нам в выписках, сделанных коллегой Юлией Янчарковой.

<sup>17</sup> В 1930-х гг. по тому же адресу проживал и публицист Александр Матанкин, личность с авантюрной биографией: Азадовский, Суперфин 2019: 273; см. также: Kratz 1999: 530, Nr. 116.

<sup>18</sup> В документе о регистрации 1947 г. упомянуто, что в Коуржине Зарецкий проживал у г-на Ржехака; *Jařomír Řehák* был последним местным пивоваром. С этим городком была связана и переводчица София Погорецка (см. ниже).

(nemajetný) брат Митрофан, проживающий в Литве<sup>19</sup>. Целью пребывания Зарецкого в Праге названо проведение выставки, посвященной «поэту Пушкину», по приглашению Славянского института. На основании этого обращения 13 ноября 1931 г. ему был выдан нансеновский паспорт № 271 сроком на один год.

В прошении о бесплатном получении противогаза от 4 июня 1938 г. Зарецкий указывает свои средства к существованию – ежемесячную поддержку Красного креста в размере 250 Кч и нерегулярную помощь от брата из Литвы. Позднее, 2 августа 1938 г., чиновник дополняет эти данные сведениями о квартальной стоимости аренды Зарецким мастерской (750 Кч) и минимальном размере доходов художника, получающего социальную помощь (упомянутые 250 Кч), которая уходит на оплату его чердачной квартиры, а также о поддержке в размере 100 Кч от эмигрантских организаций. В заявлении говорится о его заболеваниях (невроз, воспаление легких) и прошении вдвое увеличить социальную помощь. По представлению Полицейского управления от 31 июля 1939 г. (уже во время «Протектората»), вскоре, 9 августа 1939 г., ему выдается очередной вид на жительство. Не следует особо удивляться, что среди полицейских документов всплывают и медицинские свидетельства о болезнях Зарецкого в мае и августе 1940 г. Эти справки сопровождаются предписанием передать результаты больничного обследования в гестапо (sic!). По постановлению министерства социального обеспечения и здравоохранения (Ministerium für Soziale und Gesundheitsverwaltung / Ministertvo sociální a zdravotní správy) Зарецкому увеличивают социальную помощь, назначая выплаты по 500 Кч на срок с 1 октября 1941 по 30 апреля 1942 г. Такова, в общих чертах, документация о положении Зарецкого в Праге при «Протекторате», сохраненная в послевоенной подборке его полицейского дела.

Новые чехословацкие власти не применяли карательных мер против неимущего, больного художника-апатрида. На основе

---

<sup>19</sup> Митрофан Васильевич Зарецкий (род. в 1873 г.), подполковник, в 1917 г. – помощник начальника Московского губернского жандармского управления (см.: [www.ria1914.info/index.php/Зарецкий\\_Митрофан\\_Васильевич](http://www.ria1914.info/index.php/Зарецкий_Митрофан_Васильевич)).

имевшегося регистрационного документа от 12 марта 1943 г., который после войны потребовалось подтвердить свидетельством о рождении, выданном православной церковью в Праге 21 декабря 1945 г., Зарецкий получил легализацию до 10 июля 1946 г. Для этого также привлекались двое свидетелей, подтверждавших его личность; ими выступали художник Михаил Ромберг и издатель Владимир Минаржик<sup>20</sup>. Последний, как мы увидим, сыграл существенную роль для облегчения судьбы Зарецкого в эти пять послевоенных лет.

Занимавшееся иностранцами чехословацкое учреждение, в компетенции которого оказался теперь Зарецкий, носило обозначение *Ředitelství Národní Bezpečnosti v Praze*; его официальное наименование по-русски – «Дирекция народной безопасности в Праге». Для делопроизводства предусматривались формуляры с вопросами на четырех языках – чешском, русском, английском и французском, ответы же предписывалось заполнять на чешском или словацком. Зарецкому приходилось регулярно подавать «Прошение о разрешении пребывания в ЧСР» (и каждый раз платить пошлину за регистрацию). В такой периодичности походов в отделение чехословацкой государственной безопасности (сталинского времени) для самого Зарецкого, несомненно, таилась опасность. Опуская здесь все регистрационные мытарства Зарецкого, отметим, что уже по этой причине он постоянно пребывал в поле зрения органов. Рамки наблюдения за ним подтверждаются хронологическими указаниями актов полиции и госбезопасности. Так, например, после того, как закончилось разрешение, действительное до 10 января 1947 г., ему было выдано новое, с 25 января 1947 по 10 января 1948 г. (хотя встречается и дата 10 июля 1947 г.). Вскоре, 14 февраля 1947 г., Зарецкий подает заявление на получение

---

<sup>20</sup> Михаил Ромберг (1918–1982), художник-иллюстратор, см. о нем: Лейкинд, Махров, Северюхин 2019, 1: 335–336; Представители эмиграции 2021: 403–404. Vladimír Minařík (1908–1981), юрист, журналист, переводчик с английского; год рождения приведен согласно данным регистратуры Пражского полицейского управления: <http://digi.nacr.cz/prihlasky2/index.php?action=link&ref=czarch:CZ-10000010:874&karto n=397&folium=606> (в некоторых источниках встречается указание на 1909 г.).

чехословацкого гражданства, а 18 мая полицейское управление подтверждает его статус владельца нансеновского паспорта. Из прошения, направленного в «Дирекцию» год спустя, 8 июля 1948 г., выясняется, что статус беженца остался без изменений, а разрешение на местожительство в ЧСР было действительно только с 7 февраля до 10 июля 1948 г. Такого же рода бумаги выдавались и в следующем году (например, до 10 июля 1949 г., с продлением до 18 ноября и др.). Однажды, в 1948 г., Зарецкий, как и требовалось в документе, указал свое прежнее – (императорское) российское – подданство (автограф, синие чернила), а чиновник, очевидно, находясь в смятении, в начале формуляра дополнил (черными чернилами) „S.S.S.R.“ – название страны, где Зарецкому даже не довелось побывать. Во всех тех случаях, где формуляры предписывали сообщить основание для пребывания в ЧСР, названа «работа с издательством Минаржик в Праге» („Práce s nakladatelstvím Minařík v Praze“). Речь идет об издании многострадальной книги «Рисунки русских писателей», так и не получившей воплощения в авторской редакции.

Среди близких знакомых художника, с которыми он продолжал поддерживать контакт и по окончании войны, оставалась его давняя переводчица Žofie Pohorecká (1877–1963; в русском кругу – София Антоновна)<sup>21</sup>. Из переписки с ней становятся известными многие важные факты биографии Зарецкого, в том числе и обстоятельства его отъезда из Чехословакии; кроме того, в письмах говорится о ее участии в попытке опубликовать сделанный ею чешский перевод упомянутой книги Зарецкого<sup>22</sup>.

По сведениям, сообщаемым в письме Зарецкого к графу Ф. М. Нимроду, книгу «Рисунки Русских Писателей» (227 стр., 248 репродукций) в 1945 г. приобрел издатель Владимир Минаржик

---

<sup>21</sup> По-видимому, во второй половине 1950-х гг. их переписка прервалась, так что в 1958 г. Зарецкий упоминал ее имя в письме Д. И. Чижевскому с атрибутом «ныне покойная» (Поляков 2018: 254, со ссылкой на справку, полученную от Владимира Янцена). В действительности она умерла 18 июня 1963 г. в упоминавшемся выше Коуржине, где провела многие годы, пережив и самого Зарецкого.

<sup>22</sup> Praha, Literární archiv Památníku národního písemnictví, f. Pohorecká Žofie (korespondence vlastní – přijatá – osoby – Zarěckij Nikolas); цитаты приводятся с сокращением NZ/ŽP и указанием даты письма.

(Поляков 2018: 254), так что на следующий год Зарецкий обращается к Погорецкой с таким предложением (NZ/ŽP, 27 августа 1946 г.):

<...> Мою книгу «Рисунки Русских Писателей», в переработанном и дополненном содержании приобрел издатель Владимир Minařík. Он ознакомился с Вашими переводами в журнале рапа Д<окто>ра Милослава Навотного <sic!><sup>23</sup> и выразил пожелание просить Вас взять на себя труд сделать перевод моей книги для его издательства. <...>

Книга будет богато иллюстрирована, большого формата и на прекрасной бумаге.

Об условиях (денежных) благоволите снести непосредственно с издательством. Адрес его:

Minaříkovo Nakladatelství  
Praha II Křemencova ul. čis. 18  
телеф. 410–36

<...> Каждое посещение издательства Minaříkovo невольно заставляет вспомнить то самое время, когда мы встречались в Праге и бывали на Křemencova ulice в учреждении графини С. В. Паниной<sup>24</sup>.

Хорошее было время, отрадно о нем вспоминать.

Перевод книги на чешский был завершен и оплачен, как и авторский гонорар, но за время существования издательства до его национализации (около 1947 г.) напечатать ее не представлялось возможным, поскольку, по объяснению Зарецкого, «правительство не разрешает выдачу бумаги» (Поляков 2018: 254).

---

<sup>23</sup> Miloslav Novotný (1894–1966), историк литературы, переводчик, редактировал несколько литературных журналов, см. о нем: <http://www.slovníkceskeliteratury.cz/showContent.jsp?docId=527>.

<sup>24</sup> Издательство Минаржика, основанное отцом Владимира, известным литератором и переводчиком Stanislav Minařík (1884–1944), находилось по адресу: ulice Křemencová 16; там же неподалеку, в доме № 8, размещалась возглавляемая графиней С. В. Паниной благотворительная организация «Русский Очаг», открытая 26 ноября 1925 г. (см.: Постников 1995: 122–128), до переезда в другое здание в начале 1933 г. (см.: Чеботарева 2012: 131).

В конце следующего года, на Рождество, Зарецкий упоминает о своем планируемом отъезде как о чем-то, что уже было известно его корреспонденту (NZ/ŽP, 23 декабря 1947 г.):

В общем грустно. Надо собираться в дорогу. Предстоит много хлопот, а хватит ли у меня для этого сил? Поэтому тоска.

А здесь я никому не нужен. Никому совершенно. А работать хочется и думаю, что еще мог бы кое-то сделать красивого и людям полезного. Но, что же? Насильно мил не будешь.

Однако наступивший год оказался, очевидно, не менее тягостным, чем предыдущий (NZ/ŽP, 1 декабря 1948 г.):

Я почти весь октябрь и половину ноября прохворал, как и полагается мне платить осеннюю дань.

Вообще же на душе мрачно, никуда не хочется идти и видеться. Были неприятности, после чего осталась на душе оскомины. Грустно и работать не хочется.

Обстоятельства эмиграции из Чехословакии названы в письмах к С. Погорецкой, отправленных уже из Парижа. Письма, посылаемые в подцензурные края, написаны сдержанно, с присущей Зарецкому осторожностью и обтекаемостью формулировок. Так, он умалчивает об опасностях выселения или принудительной репатриации, о которых упоминается, например, в письме к графу Ф. М. Нимроду (см.: Поляков 2018: 255):

При изменении политического положения в Чехии все частные книгоиздательства перестали существовать и я остался без заработка. Перспектива выселения из Праги в провинцию, в деревню, или на Родину, или ... заставили меня сделать смелый шаг переезда.

Через две недели после своего приезда Зарецкий кратко сообщает о самочувствии, материальных трудностях, распродаже коллекций и ограниченном сроке действия выездных документов (NZ/ŽP, 30 марта 1950 г.):

Я выехал из Праги полубольным, хворал с половины января и весь февраль, да и выехать пришлось с кашлем и насморком, т. к. кончались сроки моим бумажкам выездным. Расстался я с Златой Прагой и многими друзьями поневоле, ибо не было работы, заработка, а продавать нечего было. Это и заставило меня бросить насиженное место и ринуться в неизвестное.

Существенная информация, проясняющая, каким образом Зарецкий смог покинуть пределы социалистического лагеря в то время, когда многие из его прежнего эмигрантского круга оказались в советском Гулаге (см.: Поляков 2018: 241–243), содержится в следующем письме (NZ/ŽP, 23 апреля 1950 г.):

<...> я до половины января был серьезно болен, начинало <sic!> воспаление легких. Друзья мои дружно взялись за мое лечение и я полагаю, что спасли меня. Но я вплоть до моего отъезда был очень слаб и выехал только лишь потому, что кончались сроки: срок пребывания на территории Č.S.R.; срок транзитной визы и разрешение Народ<ного> Банка о деньгах. Словом я выехал полубольным, с насморком и кашлем.

I.R.O. снабдило меня билетом в спальном вагоне II класса и это делало мое путешествие до некоторой степени комфортабельным. К тому же я был не долго в пути – выехал 15/IV. 8.35 утра и был в Париже 16 числа в 8 ч. 35 утра<sup>25</sup>. Если бы не мои друзья, то я разумеется не справился бы со всеми хлопотами и хождениями по уждам<sup>26</sup>. Я до сих пор еще не поправился, продолжаю лечиться и не выхожу из дома, т. к. погода холодная и сырая. Пользуюсь врачами. Живу я в семье моего старинного друга, моего ровесника по рождению. Отношение ко мне совершенно родственное, как в сердечной родной семье.

---

<sup>25</sup> Полное совпадение времени отправления из Праги и прибытия в Париж представляет собой, возможно, описку. Прямой поезд из Праги (с 1945 г. № 161, одно время называвшийся *Zapadni Express*) следовал через Plzeň, Cheb, Nürnberg, Würzburg, Frankfurt/Main, Mainz, Forbach до конечного вокзала Paris-Est.

<sup>26</sup> Русифицированный вариант чеш. *úřad* ('официальное учреждение').

Итак, благодаря сохраненному довоенному статусу беженца и нансеновскому паспорту Зарецкий оказался в числе апатридов, которые смогли покинуть Чехословакию при помощи упомянутой в письме *International Refugee Organization* (IRO). Хотя сведений о численности этой категории беженцев в Чехословакии на 1950 г. не имеется, по подсчетам на 1945 и 1947 гг. видно, что речь шла приблизительно о 386 человек (см.: Holborn 1956: 189, 361). Согласно доступной документации IRO, Зарецкий был включен в список лиц, отъезд которых предполагался уже 28 января 1950 г. (<https://collections.arolsen-archives.org/en/document/81786593>), но, как выясняется из цитированного письма к Погорецкой, он задержался в Праге до последнего момента.

Сопоставляя же слова Зарецкого о первом пристанище в Париже в семье «ровесника по рождению» с указанием, содержащимся в автобиографическом письме к графу Ф. М. Нимроду: «дружеское, человеколюбивое отношение ко мне семьи Ковалевских» (Поляков 2018: 255), мы можем отождествить главу семьи и давнего друга Зарецкого – это полковник, военный историк, коллекционер Владимир Григорьевич Ковалевский, родившийся в известных Кречевицких казармах Новгородской губернии 31 марта / 12 апреля 1876 г. и скончавшийся в Париже 17 декабря 1958 г.<sup>27</sup>

В письмах к Погорецкой упоминаются также имена Тэффи и Бориса Пантелеймонова; с последним Зарецкий встречался еще в Константинополе и состоял в переписке, которая велась и в условиях новой Чехословакии. Так, все еще находясь в Праге, он предлагает Погорецкой написать Пантелеймонову по его адресу (Paris IX 24, rue Pétrelle) с просьбой о передаче этого письма Тэффи (NZ/ŽP, 20 сентября 1947 г.). Как впоследствии выяснилось, в Париже он

---

<sup>27</sup> См. о нем: Волков 2002: 234–235; РЗФ 2008: 703. – Генеалогические материалы по истории этой семьи оказывались на аукционах: Документы и письма из семейного архива В. Г. Ковалевского (1876–1958) и его жены Зои Николаевны (ур. Лишиной, 1879–1941) (<https://hermitagefineart.com/ru/lots/2019-july-russian-art/366/>); фотоальбом семьи Карповых – Лишиных – Ковалевских, 1903 г., продававшийся в 2011 г. (<http://www.eremeevs.com/index.php?lotid=347147>). Ковалевский и Зарецкий вместе заканчивали в 1898 г. Тверское кавалерийское училище; после переезда во Францию Зарецкий присоединился к военно-историческим разысканиям своего однокашника.



сам жил недалеко от Пантелеймонова, по адресу: Paris VIII, 23, rue de la Répinière (NZ/ŽP, 30 марта 1950 г.), однако вскоре, 17 сентября 1950 г., Пантелеймонов скончался, так что, по словам Зарецкого: «мне не удалось даже повидаться с ним» (NZ/ŽP, 27 сентября 1950 г.). Хотя Зарецкому было известно о потере частным издательством Менаржика своей независимости, в том же письме он осведомлялся у Погорецкой (NZ/ŽP, 27 сентября 1950 г.):

А что же наш издатель «Рисун<ков> Русск<их> Писателей», как Вы думаете, будет он издавать и когда?

Вы не встречались с ним? Жил он в том же доме, надо войти в подворотню, направо лестница, 3й этаж.

Он милый человек и очень порядочный.

После утраты своего издательства Владимир Минаржик прожил еще целую жизнь, до 1981 г., став свидетелем и Пражской весны, и даже ввода войск в Афганистан, но, разумеется, в той новой жизни не было места прежним планам. Так этот перевод Погорецкой остался неопубликованным, как, впрочем, и его русский оригинал, о котором Зарецкий писал: «Эту книгу я привез в Париж в надежде издать ее по-русски или по-французски» (Поляков 2018: 254). Но эта надежда оказалась обманчивой, как в Праге, так и в Париже (NZ/ŽP, 10 мая 1952 г.):

Книга моя о рисунках Русских писателей до сих пор не нашла издателя из-за большого числа репродукций, а я считаю это особенно ценным, т. к. цель книги показать работы всех рисовавших писателей.

<...>

Иногда я, вспоминая мою жизнь, сожалею, что покинул Вашу страну гостеприимную и моих дорогих друзей. Но обстоятельства сильнее нас. Как моя книга о рисунках русских писателей появилась на свет или нет?

## БИБЛИОГРАФИЯ

- Азадовский К. М., Суперфин Г. Г. 2019. Русский в Германии: Одиссея «профессора» Матанкина. – Азадовский К. Сюжеты и судьбы: Немецко-русские отражения. М.: Литфакт. С. 241–283 (Rossica. Россия и Запад. Литературные связи и контакты. Вып. 2).
- Белошевская Л. Н. 2001. Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Т. II. 1930–1939 / Под общей ред. Л. Белошевской. Прага: Славянский институт АН ЧР.
- Букреева Е. М. 2013. Иллюстрации художника русского зарубежья Николая Васильевича Зарецкого к произведениям М. Ю. Лермонтова. – Лермонтовские чтения – 2012: Лермонтов и изобразительное искусство. СПб.: Лики России. С. 103–114.
- Букреева Е. М. 2014. «Пушкинист и неутомимый собиратель пушкинской иконографии» Николай Зарецкий. – Болдинские чтения – 2014. Нижний Новгород: Бегемот-НН. С. 290–301.
- Букреева Е. М. 2015. Пушкиниана Николая Зарецкого. – Сохранить для России: К 80-летию Русского культурно-исторического музея в Праге. Каталог выставки. М.: Государственная Третьяковская галерея. С. 36–43.
- Букреева Е. М. 2016. Хранитель пушкинского отделения РКИМ Николай Зарецкий. – Павел Федотов, Валентин Серов, Сергей Тимофеевич Конёнков: Русский культурно-исторический музей в Праге М.: Государственная Третьяковская галерея. С. 503–521.
- Букреева Е. 2019. Николай Зарецкий – сценограф и декоратор пражских театров. – Z historie exilu: Emigrace z území bývalého Ruského impéria v meziválečném Československu. Из истории изгнания: Эмиграция с территории бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии / Přel. Michaela Kuthanová. Praha: Památník národního písemnictví. С. 140–147.
- Букреева Е. М. 2022. Вклад художника Н. В. Зарецкого в оформление «Полного иллюстрированного собрания сочинений М. Ю. Лермонтова». – М. Ю. Лермонтов в контексте литературы и культуры народов Евразии: Материалы Международной научной лермонтовской конференции – 2021. Пятигорск: ПГУ. С. 57–64.
- Булгаков В. Ф. 1999. Русский культурно-исторический музей (1934–1939). – Ариаварта. № 3. С. 149–198.

- Волков С. В. 2002. Офицеры Российской гвардии: Опыт мартиролога. М.: Русский путь.
- Грачева А. М. 2000. Альбом А. М. Ремизова «Рисунки русских писателей» / Публикация А. М. Грачевой. – Рисунки писателей: Сборник научных статей / Сост. С. В. Денисенко. СПб.: Академический проект. С. 230–249.
- Зарецкий Н. В. 1941. Памяти Михаила Юрьевича Лермонтова: род. 2 окт. 1814 г. – ск. 15 июля 1841 г.: Исторические материалы / Литературная и художественная ред. Н. В. Зарецкого. Прага: Русский врач в Чехии и Моравии.
- Зарецкий Н. В. 1951. Пушкин-рисовальщик. – Возрождение: Литературно-политические тетради / Под ред. С. П. Мельгунова. № 15. С. 145–150.
- Зарецкий Н. В. 2000. Пушкин-рисовальщик / Публикация и комментарии И. С. Чистовой. – Рисунки писателей: Сборник научных статей / Сост. С. В. Денисенко. СПб.: Академический проект. С. 305–311.
- Зарубежный союз [1938]. Зарубежный Союз Русских Военных Инвалидов: 1920–1938. Paris: [б. и.].
- Климов Е. Е. 2005. Воспоминания Е. Е. Климова / Составитель и автор вступительных ст. Юрий Абызов. – Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. X. С. 214–362.
- Козырева Н. М. 2008. Письма М. В. Добужинского Н. В. Зарецкому (по материалам Бахметевского архива). – Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение русского зарубежья / Отв. ред. О. Л. Лейкинд. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 176–189.
- Копршилова А. В. 2000. Пушкинский юбилей 1937 года в Чехословакии на фоне политической обстановки. – Пушкин и культура русского зарубежья / Сост. М. А. Васильева. М.: Русский путь. С. 249–259.
- Кратц Г. 2016. Артур Лютер и его русские псевдонимы. – Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / Под ред. М. Шрубь и О. Коростелева. М.: Новое литературное обозрение. С. 190–206.
- Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я. 2019. Художники Русского зарубежья: Первая и вторая волна эмиграции. Биографический словарь. Т. 1–2. СПб.: Издательский дом «Миръ».
- Лютер А. 1941. Памяти Лермонтова. – Новая жизнь. Иллюстрированный еженедельный журнал / Под ред. В. М. Деспотули. Берлин. 1941. № 2. 10 сентября. С. 6.

- Магидова М., Ильина О. Н. 2021. Библиотека А. Л. Бема: Варшава – Прага, 1921–1945. Опыт реконструкции и описания. Прага: Национальная библиотека Чешской Республики.
- Маркович В. М., Потапова Г. Е. 2002. М. Ю. Лермонтов: Pro et contra. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / Сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова. Вступительная ст. В. М. Марковича. Комментарии Г. Е. Потаповой и Н. Ю. Заварзиной. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института.
- Микуленок А. А. 2020. Деятельность Союза русских военных инвалидов в Чехословацкой Республике в 1920-х гг. – Российская история. Вып. 1. С. 170–179.
- Муромцева Л. П. 2010. В. Ф. Булгаков и русский культурно-исторический музей в Праге. – Россия и современный мир. 2010. № 3 (68). С. 182–194.
- Перемиловский В. 1941. Лермонтов. Харбин-Прага: [б. и.].
- Поляков Ф. Б. 2018. Автобиографические письма Николая Зарецкого. – Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook, N. F. / N. S. Bd. 6. С. 236–265.
- Поляков Ф. Б. 2019. «Чудный заколдованный круг». Эллис в Локарно в 1930-е годы (По материалам переписки с Николаем Зарецким). – Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook, N. F. / N. S. Bd. 7. С. 234–255.
- Поляков Ф. Б. 2020. Пушкинская выставка 1932 года в Праге. I: Проект Николая Зарецкого и его реализация в контексте чехословацко-русского взаимодействия. – Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook, N. F. / N. S. Bd. 8. С. 254–275.
- Пономарева Г. М. 2007. Юбилей М. Ю. Лермонтова в Эстонии 1939 и 1941 годов. – Пушкинские чтения в Тарту. Вып. 4: Пушкинская эпоха: Проблемы рефлексии и комментария. Материалы международной конференции. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus. С. 420–433.
- Пономарева Г. М., Шор Т. К. 2009. Два юбилея М. Ю. Лермонтова (1939, 1941). – Пономарева Г. М., Шор Т. К. Русская печать и культура в Эстонии во время Второй мировой войны (1939–1945). Tallinn: Tallinna Ülikooli Kirjastus. С. 49–65.
- Постников С. П. 1995. Русские в Праге: 1918–1928 гг. Прага [reprint Praha: Národní knihovna, 1995].

- Представители эмиграции 2021. Представители эмиграции с территории бывшей Российской Империи в Чехословакии (1918–1945). Биографический словарь. Praha: Academia.
- Равдин Б. 2016. Роспись журнала «Новая жизнь» (Берлин, 1941). – Культура русской диаспоры: Судьбы и тексты эмиграции. Сборник статей / Под ред. А. Данилевского, С. Доценко и Ф. Полякова. Frankfurt am Main: Peter Lang. С. 303–316 (Русская культура в Европе. Russian Culture in Europe. Vol. 13).
- РЗФ 2008. Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Биографический словарь / Под общей ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. Т. 1. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой.
- Филин М. Д. 1999. Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов: Из наследия первой эмиграции / Сост., вступительная ст. и комментарии М. Д. Филина. М.: Русский миръ.
- Чеботарева Т. 2012. «На чужом пиру незваные гости»: Из истории «Русского очага» в Праге. – Русская акция помощи в Чехословакии: История, значение, наследие / Сост. Л. Бабка, И. Золотарев. Прага: Русская традиция. С. 125–132.
- Чистова И. С. 1996. Труды и дни Николая Зарецкого. – Русское подвижничество / Сост. Т. Б. Князевская. М.: Наука. С. 244–257.
- Чистова И. 2000. Труды и дни Николая Зарецкого. – Рисунки писателей. Сборник научных статей / Сост. С. В. Денисенко. СПб.: Академический проект. С. 288–304.
- Hauser, J. 2019. Ruské kulturně-historické muzeum ve fondech českých archivů. – Z historie exilu: Emigrace z území bývalého Ruského impéria v meziválečném Československu. Из истории изгнания: Эмиграция с территории бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии / Přel. Michaela Kuthanová. Praha: Památník národního písemnictví. S. 103–107.
- Hauser, J. 2020. Sans retour. Výtvarníci ruské emigrace v meziválečné Praze. Praha: Památník národního písemnictví.
- Holborn, Louise W. 1956. The International Refugee Organization: A Specialized Agency of the United Nations. Its History and Work 1946–1952. London; New York; Toronto: Oxford University Press.
- Jančárková, J. 2008. Nikolaj Okunev und die „Erste historische Ausstellung russischer Malerei und Plastik (18.–20. Jh.)“ in Prag. – Die russische

- Diaspora in Europa im 20. Jahrhundert: Religiöses und kulturelles Leben / Hrsg. A. J. M. Davids, F. B. Poljakov. Frankfurt am Main [u.a.]: Peter Lang. S. 215–235 (Русская культура в Европе. Russian Culture in Europe. Vol. 4).
- Kratz, G. 1999. Russische Verlage und Druckereien in Berlin 1918–1941. – Chronik des russischen Lebens in Deutschland 1918 – 1941 / Hrsg. von Karl Schlögel, Katharina Kucher, Bernhard Suchy und Gregor Thum. Berlin: Akademie Verlag. S. 501–569.
- Kuthanová, M., Chlaňová, T., Ščeblyginová, I., Hauser, J. 2017. Paměť exilu: Knihy a literatura. – Zkušenost exilu: Osudy exulantů z území bývalého Ruského impéria v meziválečném Československu. Опыт изгнания: Судьбы эмигрантов с территории бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии / Přel. Jakub Hauser. Praha: Památník národního písemnictví. S. 157–210.
- Poljakov, F. B., Sippl, C. 1999. A. S. Puškin im Übersetzungswerk Henry von Heislers (1875–1928). Ein europäischer Wirkungsraum der Petersburger Kultur. München: Otto Sagner (Slavistische Beiträge. Bd. 388).
- Puschkin, A. S. [1941]. Erzählungen / Übersetzt von Arthur Luther, Sigismund von Radecki, Reinhold von Walter. Hrsg. und eingeleitet von Arthur Luther. Dessau: Rauch.
- Sládek, Z., Běloševská, L. 1998. Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939) / Zdeněk Sládek, Ljubov Běloševská a kolektiv avtorů. Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939). Praha: Euroslavica.
- Zarěckij, N. V. 1937. Dvanáct kreseb A. S. Puškina: 1837–1937. Tekst „Puškin-kreslíř“ byl vzat z knihy N. V. Zarěckého „Kresby ruských spisovatelů“. Týž autor také vybral kresby a provedl uměleckou úpravu vydání / Přel. Žofie Pohorecká. Praha: Svaz ruských válečných invalidů v ČSR.
- Zaretsky, N. V. 1960. Russische Dichter als Maler und Zeichner / Aus dem Nachlass des Verfassers herausgegeben und ergänzt von D. Tschizewskij. Aus der russischen Handschrift übertragen von Wolfgang Busch. Recklinghausen: Verlag Aurel Bongers.

## REFERENCES

- Azadovskii, K. M. and G. G. Superfin. "Russkii v Germanii: Odisseia 'professora' Matankina." In *Siuzhety i sud'by: Nemetsko-russkie otrazheniia*, by K. M. Azadovskii. Rossica. Rossiia i Zapad. Literaturnye sviazi i kontakty. Vol. 2, 241–83. Moscow: Litfakt, 2019.
- Bukreeva, E. M. "Illiustratsii khudozhnika russkogo zarubezh'ia Nikolaia Vasil'evicha Zaretskogo k proizvedeniiam M. Iu. Lermontova." In *Lermontovskie chteniia – 2012: Lermontov i izobrazitel'noe iskusstvo*, 103–14. Saint Petersburg: Liki Rossii, 2013.
- . "Pushkinist i neutomimyi sobiratel' pushkinskoi ikonografii' Nikolai Zaretskii." In *Boldinskie chteniia – 2014*, 290–301. Nizhnii Novgorod: Begemot-NN, 2014.
- . "Pushkiniana Nikolaia Zaretskogo." In *Sokhranit' dlia Rossii: K 80-letiiu Russkogo kul'turno-istoricheskogo muzeia v Prage. Katalog vystavki*, 36–43. Moscow: Gosudarstvennaia Tre't'iakovskaia galereia, 2015.
- . "Khranitel' pushkinskogo otdeleniia RKIM Nikolai Zaretskii." In *Pavel Fedotov. Valentin Serov. Sergei Timofeevich Konenkov: Russkii kul'turno-istoricheskii muzei v Prage*, 503–21. Moscow: Gosudarstvennaia Tre't'iakovskaia galereia, 2016.
- . "Nikolai Zaretskii – stsenograf i dekorator prazhskikh teatrov." In *Z historie exilu: Emigrace z území bývalého Ruského impéria v meziválečném Československu. Iz istorii izgnaniia: Emigratsiia s territorii byvshei Rossiiskoi imperii v mezhoennoi Chekhoslovakii*. Edited by Michaela Kuthanová, 140–47. Prague: Památník národního písemnictví, 2019.
- . "Vklad khudozhnika N. V. Zaretskogo v oformlenie 'Polnogo illiustrirovannogo sobraniia sochinenii M. Iu. Lermontova'." In *M. Iu. Lermontov v kontekste literatury i kul'tury narodov Evrazii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi lermontovskoi konferentsii – 2021*, 57–64. Piatigorsk: PGU, 2022.
- Bulgakov, V. F. "Russkii kul'turno-istoricheskii muzei (1934–1939)." *Ariavarta* 3 (1999): 149–98.
- Chebotareva, T. "'Na chuzhom piru nezvannye gosti': Iz istorii 'Russkogo ochaga' v Prage." In *Ruskaia aktsiia pomoshchi v Chekhoslovakii: Istoriia, znachenie, nasledie*. Edited by L. Babka and I. Zolotarev, 125–32. Prague: Ruskaia traditsiia, 2012.
- Chistova, I. S. "Trudy i dni Nikolaia Zaretskogo." In *Russkoe podvizhnichestvo*. Edited by T. B. Kniazevskaia, 244–57. Moscow: Nauka, 1996.

- Chistova, I. "Trudy i dni Nikolaia Zaretskogo." In *Risunki pisatelei: Sbornik nauchnykh statei*. Edited by S. V. Denisenko, 288–304. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2000.
- Fatalist. Zarubezhnaia Rossiia i Lermontov: Iz nasledii pervoi emigratsii*. Edited, prefaced and annotated by M. D. Filin. Moscow: Russkii mir, 1999.
- Gracheva, A. M. "Al'bom A. M. Remizova 'Risunki russkikh pisatelei'." In *Risunki pisatelei: Sbornik nauchnykh statei*. Edited by S. V. Denisenko, 230–49. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2000.
- Hauser, J. "Ruské kulturně-historické muzeum ve fondech českých archivů." In *Z historie exilu: Emigrace z území bývalého Ruského impéria v meziválečném Československu. Iz istorii izgnaniia: Emigratsiia s territorii byvshei Rossiiskoi imperii v mezvoennoi Chekhoslovakii*, 103–07. Přel. Michaela Kuthanová. Prague: Památník národního písemnictví, 2019.
- . *Sans retour. Výtvarníci ruské emigrace v meziválečné Praze*. Prague: Památník národního písemnictví, 2020.
- Holborn, L. W. *The International Refugee Organization: A Specialized Agency of the United Nations. Its History and Work 1946–1952*. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1956.
- Jančárková, J. "Nikolaj Okunev und die „Erste historische Ausstellung russischer Malerei und Plastik (18.–20. Jh.)“ in Prag." In *Die russische Diaspora in Europa im 20. Jahrhundert: Religiöses und kulturelles Leben*. Edited by A. J. M. Davids and F. B. Poljakov. Russkaia kul'tura v Evrope. Russian Culture in Europe. Vol. 4, 215–35. Frankfurt am Main et al.: Peter Lang, 2008.
- Khronika kul'turnoi, nauchnoi i obshchestvennoi zhizni russkoi emigratsii v Chekhoslovatskoi respublike*. Edited by L. Beloshevskaia. Vol. 2, 1930–1939. Prague: Slavianskii institut AN ChR, 2001.
- Klimov, E. E. "Vospominaniia." Edited and prefaced by Iurii Abyzov. In *Baltiiskii arkhiv. Russkaia kul'tura v Pribaltike* 10 (2005): 214–362.
- Koprshivova, A. V. "Pushkinskii iubilei 1937 goda v Chekhoslovakii na fone politicheskoi obstanovki." In *Pushkin i kul'tura russkogo zarubezh'ia*. Edited by M. A. Vasil'eva, 249–59. Moscow: Russkii put', 2000.
- Kozyreva, N. M. "Pis'ma M. V. Dobuzhinskogo N. V. Zaretskomu (po materialam Bakhmetevskogo arkhiva)." In *Izobrazitel'noe iskusstvo, arkhitektura i iskusstvovedenie russkogo zarubezh'ia*. Edited by O. L. Leikind, 176–89. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2008.
- Kratz, G. "Russische Verlage und Druckereien in Berlin 1918–1941." In *Chronik des russischen Lebens in Deutschland 1918–1941*. Edited by Karl Schlögel,



- Katharina Kucher, Bernhard Suchy and Gregor Thum, 501–69. Berlin: Akademie Verlag, 1999.
- . “Artur Liuter i ego russkie psevdonimy.” In *Psevdonimy russkogo zarubezh'ia: Materialy i issledovaniia*. Edited by M. Schrubá and O. Korostelev, 190–206. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016.
- Kuthanová, M., Chlaňová, T., Ščeblyginová, I. and J. Hauser. *Paměť exilu: Knihy a literatura. – Zkušenost exilu: Osudy exulantů z území bývalého Ruského impéria v meziválečném Československu. Opyt izgnaniia: Sud'by emigrantov s territorii byvshei Rossiiskoi imperii v mezhvoennoi Chekhoslovakii*. Edited by Jakub Hauser, 157–210. Prague: Památník národního písemnictví, 2017.
- Leikind, O. L., Makhrov, K. V. and D. Ia. Severiukhin. *Khudozhniki Russkogo zarubezh'ia: Pervaia i vtoraiá volna emigratsii. Biograficheskii slovar'*. Vols. 1–2. Saint Petersburg: Izdatel'skii dom “Mir,” 2019.
- Luther, A. “Pamiati Lermontova.” *Novaia zhizn': Illiustrirovannyi ezhenedel'nyi zhurnal* 2 (September 10, 1941): 6.
- M. Iu. Lermontov: *Pro et sontra. Lichnost' i tvorcestvo Mikhaila Lermontova v otsenke russkikh myslitelei i issledovateleí. Antologíia*. Edited by V. M. Markovich and G. E. Potapova. Prefaced by V. M. Markovich. Annotated by G. E. Potapova and N. Iu. Zavarzina. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2002.
- Magidova, M. and O. N. Il'ina. *Biblioteka A. L. Bema: Varshava – Praga, 1921–1945. Opyt rekonstruktsii i opisaniia*. Prague: Natsional'naia biblioteka Cheshskoi Respubliki, 2021.
- Mikulenok, A. A. “Deiatel'nost' Soiuzá russkikh voennykh invalidov v Chekhoslovatskoi Respublike v 1920-kh gg.” *Rossiiskaia istoriia* 1 (2002): 170–79.
- Muromtseva, L. P. “V. F. Bulgakov i russkii kul'turno-istoricheskii muzei v Prage.” *Rossia i sovremennyi mir* 68, no. 3 (2010): 182–94.
- Peremilovskii, V. *Lermontov*. Harbin and Prague: [n. p.], 1941.
- Poljakov, F. B. “Avtobiograficheskie pis'ma Nikolaia Zaretskogo.” *Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook, N. F. / N. S.* 6 (2018): 236–65.
- . “‘Chudnyi zakoldovannyi krug.' Ellis v Lokarno v 1930-e gody (Po materialam perepiski s Nikolaem Zaretskim).” *Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook, N. F. / N. S.* 7 (2019): 234–55.
- . “Pushkinskaia vystavka 1932 goda v Prage. I: Proekt Nikolaia Zaretskogo i ego realizatsiia v kontekste chekhoslovatsko-russkogo vzaimodeistviia.”

- Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook. N. F. / N. S. 8 (2020): 254–75.*
- Poljakov, F. B. and C. Sippl. A. S. *Puškin im Übersetzungswerk Henry von Heislers (1875–1928). Ein europäischer Wirkungsraum der Petersburger Kultur.* Slavistische Beiträge. Vol. 388. Munich: Otto Sagner, 1999.
- Ponomareva, G. M. “Iubilei M. Iu. Lermontova v Estonii 1939 i 1941 godov.” In *Pushkinskie chteniia v Tartu. Vol. 4, Pushkinskaia epokha: Problemy refleksii i kommentariia: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*, 420–33. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007.
- Ponomareva, G. M. and T. K. Shor. “Dva iubileia M. Iu. Lermontova (1939, 1941).” In *Russkaia pechat’ i kul’tura v Estonii vo vremia Vtoroi mirovoi voiny (1939 – 1945)*, by G. M. Ponomareva and T. K. Shor, 49–65. Tallinn: Tallinna Ülikooli Kirjastus, 2009.
- Postnikov, S. P. *Russkie v Prage: 1918–1928 gg.* Prague: Národní knihovna, 1995. *Predstaviteli emigratsii s territorii byvshei Rossiiskoi Imperii v Chekhoslovakii (1918–1945). Biograficheskii slovar’.* Prague: Academia.
- Puschkin, A. S. *Erzählungen.* Translated by Arthur Luther, Sigismund von Radecki, Reinhold von Walter. Edited and prefaced by Arthur Luther. Dessau: Rauch, [1941].
- Ravdin, B. “Rospis’ zhurnala ‘Novaia zhizn’ (Berlin, 1941).” In *Kul’tura russkoi diaspory: Sud’by i teksty emigratsii. Sbornik statei.* Edited by A. Danilevskii, S. Dotsenko and F. Poliakov. *Russkaia kul’tura v Evrope. Russian Culture in Europe.* Vol. 13, 303–16. Frankfurt am Main et al.: Peter Lang, 2016.
- Rossiiskoe zarubezh’e vo Frantsii, 1919–2000: Biograficheskii slovar’.* Edited by L. Mnukhin, M. Avril’ and V. Losskaia. Vol. 1. Moscow: Nauka; Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi, 2008.
- Sládek, Z. and L. Běloševská et al. *Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939). Dokumenty k istorii russkoi i ukraïnskoi emigratsii v Chekhoslovatskoi respublike (1918–1939).* Prague: Euroslavica, 1998.
- Volkov, S. V. *Ofitsery Rossiiskoi gvardii: Opyt martirologa.* Moscow: Russkii put’, 2002.
- Zarěckij, N. V. *Dvanáct kreseb A. S. Puškina: 1837–1937. Tekst „Puškin-kreslír“ byl vzat z knihy N. V. Zarěckého „Kresby ruských spisovatelů“.* Týž autor také vybral kresby a provedl uměleckou úpravu vydání. Edited by Žofie Pohorecká. Praha: Svaz ruských válečných invalidů v ČSR, 1937.

- Zaretskii, N. V. *Pamiati Mikhaila Iur'evicha Lermontova: rod. 2 okt. 1814 g. – sk. 15 iulia 1841 g.: Istoricheskie materialy*. Prague: Russkii vrach v Chekhii i Moravii, 1941.
- . “Pushkin-risoval'shchik.” *Vozrozhdenie: Literaturno-politicheskie tetradi* 15 (1951): 145–50.
- . “Pushkin-risoval'shchik.” Published and annotated by I. S. Chistova. In *Risunki pisatelei: Sbornik nauchnykh statei*. Edited by S. V. Denisenko, 305–11. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2000.
- Zaretsky, N. V. *Russische Dichter als Maler und Zeichner*. Edited by D. Tschizewskij and Wolfgang Busch. Recklinghausen: Verlag Aurel Bongers, 1960.
- Zarubezhnyi Soiuz Russkikh Voennykh Invalidov: 1920–1938*. Paris: [n. p.], [1938].